

№ 5 (175)
Май

2011

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского

По святым местам Алтая.

Сорокий Лог

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

Что может быть прекраснее, насладительнее любви к ближнему?

Любить — блаженство; ненавидеть — мука. Весь закон и пророки сосредотачиваются в любви к Богу и ближнему (Мф. XXII, 40.).

Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу: потому что Христос благоволил таинственно облечься в каждого ближняго нашего, а во Христе — Бог (1 Иоанна.).

Естественная любовь наша повреждена падением; её нужно умертвить — повелевает это Христос — и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе.

Не имеет цены пред Евангелием любовь от движения крови и чувствований плотских.

И какую может она иметь цену, когда при разгорячении крови дает клятву положить душу за Господа, а чрез несколько часов, при охлаждении крови, дает клятву, что не знает Его (Матф. XXVI, 33, 35, 74.)?

Падение подчинило сердце владычеству крови, и, посредством крови, владычеству миродержителя. Евангелие освобождает сердце из этого плена, из этого насилия, приводит под руководство Святаго Духа. Святой Дух научает любить ближнего свято. Любовь, возженная, питаемая Святым Духом — огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением (Лествица. Слово XV, гл. 3.).

Пламеннейшая естественная любовь легко обращается в отвращение, в непримиримую ненависть (2 Цар. XIII, 15.). Естественная любовь выражалась и кинжалом. В каких язвах — наша любовь естественная!

Какая тяжкая на ней язва — пристрастие! Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей. Мерила льстивая мерзость пред Господом, весь же праведный приятен Ему (Притч. XI, 1.).

Естественная любовь доставляет любимому своему одно земное; о небесном она не думает.

Она враждует против Неба и Духа Святаго; потому что Дух требует распятия плоти. Она враждует против Неба и Духа Святаго: потому что находится под управлением духа лукавого, духа нечистого и погибшего.

Приступим к Евангелию, возлюбленнейший брат, поглядимся в это зеркало! Глядясь в него, свергнем ризы ветхие, в которые облекло нас падение, украсимся ризою новою, которая приготовлена нам Богом.

Риза новая — Христос. Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь (Гал. 111.27.). Риза новая — Дух Святой. Облечется силою выше (Лк. XXVI, 49.), сказал о этой ризе Господь. Облекаются христиане в свойства Христовы, действием всеблагого Духа.

Сперва, руководствуясь Евангелием, откинь вражду, памятозлобие, гнев, осуждение и все, что прямо противодействует любви.

Евангелие велит молиться за врагов, благославлять клянущих, творить добро ненавидящим, оставлять ближнему все, что бы он ни сделал против нас.

Постарайся, желающий последовать Христу, исполнять все эти заповедания самим делом.

Очень недостаточно: только с удовольствием прочитать веления Евангелия, и подивиться высокой нравственности, которую они в себе содержат. К сожалению, многие этим удовлетворяются.

Когда приступишь к исполнению велений Евангелия: тогда с упорством воспротивятся этому исполнению владыки твоего сердца. Эти владыки: твое собственное плотское состояние, при котором ты подчинен плоти и крови, и падшие духи, которым подвластная страна — плотское состояние человека.

Плотское мудрование, его правда и правда падших духов потребуют от тебя, чтобы ты не уронил чести своей и других тленных преимуществ, защитил их. Но ты с мужеством выдержи невидимую борьбу.

Пожертвуй всем для исполнения евангельских заповедей. Без такого жертвования ты не можешь быть исполнителем их. Господь сказал ученикам Своим: Аще кто хошетъ по Мне ити, да

отвержется себе (Мф. XVI, 34.).

Когда с тобою Господь, — надейся на победу: Господь не может не быть победителем.

Испроси себе у Господа победу, испроси её постоянною молитвою и плачем. И придет неожиданно действие благодати в твое сердце: ты ощутишь внезапно сладостнейшее упоение духовною любовью ко врагам.

Еще предстоит тебе борьба! Еще нужно тебе быть мужественным! Взгляни на предметы твоей любви: они очень тебе нравятся? К ним очень привязано твое сердце? Отрекись от них.

Этого отречения требует от тебя Господь, законоположитель любви не с тем, чтоб лишить тебя любви и любимых, но чтоб ты, отвергнув любовь плотскую, оскверненную примесью греха, соделался способным

Святитель
Игнатий (Брянчанинов)

О ЛЮБВИ

Епископ Игнатий (Брянчанинов) (1807-1867) — известный русский подвижник и духовный писатель XIX века, один из создателей современной русской духовной литературы. Сочинения святителя привлекают внимание глубоким знанием Священного Писания и творений Святых Отцов Православной Церкви, осмысленных применительно к духовным запросам современности.

принять любовь духовную, чистую, святую, которая — верховное блаженство.

Ощувивший любовь духовную, с омерзением будет взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви. Как отречься от предметов любви, которые как бы приросли к самому сердцу? — скажи о них Богу: «Они, Господи, Твои, а я — кто? Немошное создание, не имеющее никакого значения».

«Сегодня я еще странствую на земле, могу быть полезным для любимых моих чем-нибудь; завтра, может быть, исчезну с лица её, и я для них — ничто!»

«Хочу, или не хочу, — приходит смерть, приходят прочие обстоятельства, насильственно отторгают меня от тех, которых я считал моими, и они уже — не мои. Они и не были по самой вещи моими; было какое-то отношение между мною и ими; обманываясь этим отношением, я называл, признавал их моими. Если б они были точно мои, — навсегда остались бы принадлежать мне». «Создания принадлежат одному Создателю: Он — их Бог и Владыка. Твое, Господь мой, отдаю Тебе: себе присваивал я их неправильно и напрасно».

Свое Бог дает человеку: и делаются человеку человеки своими, на время по плоти, навеки по духу, когда Бог благоволит дать этот дар человеку.

Истинная любовь к ближнему основана на вере в Бога: она — в Боге. Все едино будут, вещал Спаситель мира к Отцу Своему: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут (Иоанн. XVII. 21).

Гмирение и преданность Богу убивают плотскую любовь. Значит: она живет самомнением и неверием. Делай, что можешь полезного и что позволяет закон, твоим любимым; но всегда поручай их Богу, и слепая, плотская, безотчетливая любовь твоя обратится мало по мало в духовную, разумную, святую.

Когда сердце твое не свободно, — это знак пристрастия.

Когда сердце твое в плену, — это знак страсти безумной, греховной. Святая любовь — чиста, свободна, вся в Боге. Она действие Святаго Духа, действующего в сердце, по мере его очищения.

Воздавай почтение ближнему как образу Божию, — почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей. Деятельность твоя да будет таинственно сообразна твоему душевному настроению.

Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, сословия, — и постепенно начнет являться в сердце твоем святая любовь. Причина этой святой любви — не плоть и кровь, не влечение чувств, — Бог.

Лишенные славы христианства не лишены другой славы, полученной при создании: они — образ Божий.

Если образ Божий будет ввергнут в пламя страшное ада, и там я должен почитать его.

И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтобы тебе не иметь недостатка в любви.

В христианине воздай почтение Христу, Который сказал в наставление нам и еще скажет при решении нашей участи вечной: Еже сотвористе меньшему сих братьев Моих, Мне сотвористе (Матф. 25, 40.).

В обращении твоем с ближними содержи в памяти это изречение Евангелия, и соделаешься наперсником любви к ближнему.

Но если ты думаешь, что любишь Бога, а в сердце твоем живет неприятное расположение хотя к одному человеку: то ты — в горесном самообольщении.

Явление духовной любви к ближнему — признак обновления души Святым Духом. Аминь.

Овчая купель

В настоящее время на месте чудесной евангельской купальни находится высохший глубокий ров, окруженный развалинами древней церкви. Эта церковь, была воздвигнута святой царицей Еленой над теми пятью притворами, о которых говорит Евангелие и которые являлись Домом милосердия над целительными водами Вифезды.

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Есть же в Иерусалиме у овечьих ворот купальня, называемая Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, изсохших, ожидающих движения воды. Ибо Ангел Господень по временам сходил в купальню, и возмущал воду; и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью.

(Ин. 5, 2-5)

У самых Гефсиманских ворот находится упоминаемая в Евангелии овчая купель — купальня названная так может быть потому, что в ней обмывали овец и других животных перед тем, как принести в жертву. Водоем этот вырыт был по повелению царя Соломона, и окружен пятью обширными крытыми ходами для больных. На еврейском языке купель это называется Вифезда, что в переводе означает дом милосердия. С нею соединено евангельское повествование о чудесном исцелении Господом человека расслабленного, болевшего 38 лет.

По страницам Библейской энциклопедии

В СЛУЖЕНИИ БОГУ вся моя радость, вся моя жизнь

Святитель Лука Войно-Ясенецкий — один из самых удивительных людей как двадцатого века, так и всей мировой истории. Блестящий хирург, исследователь, он совершил настоящий прорыв в медицине. За книгу «Очерки гнойной хирургии» он, епископ, трижды арестованный и отсидевший в сталинских лагерях, был награжден Сталинской премией. На архиерейском престоле, в изгнаниях и ссылках, он всегда заботился о людях, будучи врачом и душ, и тел.

Юбилейный Архиерейский Собор 2000 года принял решение о всероссийском почитании святителя Луки. Память его празднуется в день кончины, 11 июня по новому стилю.

Предлагаем нашим читателям главы из книги внучатого племянника святителя Владимира Лисичкина «Лука, врач возлюбленный», повествующие о непростой деятельности святителя Луки в годы Великой отечественной войны.

Этап со ссылками в Восточную Сибирь был сформирован в начале марта 1940 года. В Ташкенте весна в разгаре, все цветет и благоухает, а в Красноярском крае в марте морозы за 40°... В это время туда был сослан епископ Лука сроком на пять лет.

«Хотя и это второе следствие осталось безрезультатным, меня все-таки послали в третью ссылку в Сибирь на три года... В Красноярске нас недолго продержали в какой-то пересылочной тюрьме на окраине города и оттуда перевезли в село Большая Мурта, около ста тридцати верст от Красноярска. Там я первое время бедствовал без постоянной квартиры... Я едва ходил от слабости после очень плохого питания в ташкентской тюрьме», — вспоминал Святитель.

Началась война, и политзаключенный епископ Лука сразу послал телеграмму на имя Председателя Президиума Верховного Совета М. И. Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта, тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука».

Положительный ответ пришел быстро. (примечание: Ясно, что вся переписка осужденных просматривалась. Органы НКВД, а в ряде случаев и партийные инстанции, давали санкцию на отправку письма или телеграммы заключенного или ссыльного. Так случилось и с телеграммой епископа Луки. Она легла на стол Первого секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) Голубева. После обсуждения с руководством НКВД края Первый секретарь разрешил послать телеграмму в адрес М.И. Калинина.)

«В конце июля прилетел на самолете в Большую Мурту главный хирург Красноярского края и просил меня лететь вместе с ним в Красноярск, где я был назначен главным хирургом эвакогоспиталя 15-15. Этот госпиталь был расположен на трех этажах большого здания, прежде занят школой. В нем я проработал не менее двух лет, и воспоминания об этой работе остались у меня светлые и радостные.

Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда

я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах и излеченные мною, неизменно салютовали мне высокоподнятыми прямыми ногами», — писал Святитель в автобиографии. Отчеты госпиталя 15-15 свидетельствуют, многие раненые из «безнадежных» выздоровели.

Приезжавший в госпиталь 15-15 инспектор профессор Приоров говорил, что ни в одном из госпиталей, которые он посетил, ему не приходилось видеть таких блестящих результатов лечения инфицированных ранений суставов, как у владыки Луки (Войно-Ясенецкого).

Хирург В. Н. Зиновьева, ученица Войно-Ясенецкого по госпиталю 15-15, рассказывала, что Владыка учил своих помощников «человеческой хирургии»: с каждым раненым он вступал в личные отношения, каждого помнил в лицо, знал фамилию, держал в памяти подробности операции и послеоперационного периода. Он всегда следовал своему кредо: «Для хирурга не должно быть «случая», а только живой, страдающий человек».

В госпитале военврач работал так же напряженно, как и на фронте. Из сохранившихся архивных материалов и писем видно, что святитель Лука каждый день проводил в операционной по десять-одиннадцать часов, выполняя уникальные операции. Тысячи бойцов и офицеров прошли через его руки, и большинству из них он сохранил жизнь. Были среди них безнадежные. «Тяжело переживаю смерть больных после операции. Было три смерти в операционной, и они меня положительно подкосили. Тебе, как теоретику, неведомы эти мучения, а я переношу их все тяжелее и тяжелее. Молился об умерших дома, храма в Красноярске нет», — писал Святитель сыну.

С начала войны в госпиталях МЭП-49 все десять тысяч коек непрерывно наполнялись тяжелоранеными. Красноярск был самым дальним пунктом доставки, и раны часто превращались в нагноения, а костные ранения — в тяжелые формы остеомиелита. «В школе номер десять сосредоточены наиболее тяжелые ранбольные с осложненными переломами, с поражениями суставов

и периферической нервной системы» — показывают архивные документы МЭП-49. В этой школе эпидемиолог-хирург работал около двух лет, после операционного дня он еще давал консультации. Только за три недели 1942 года профессор побывал в семи госпиталях и поставил диагноз восьмидесяти семи больным.

Весь 1942 год отмечен тяжелым трудом, доводящим его до изнеможения. И вот результат такой нечеловеческой нагрузки: «... Уже четыре недели я не работаю вследствие очень тяжелого переутомления, главным образом мозгового. Три недели пролежал в больнице крайкома, теперь лежу у себя на квартире. Врачи говорят, что по выздоровлении я не должен работать больше четырех часов и не делать больше операций. А до сих пор я работал до восьми-девяти часов и делал четыре-пять операций...» (Из письма к Н. П. Пузину от 25 декабря 1942 года).

Церкви были закрыты, и утро каждого дня Владыка молился на лесной поляне, поставив складную икону на пенечек.

Тяжелой скорбью отзывалась в душе Святителя невозможность бывать в храме. В Красноярске, городе с многотысячным населением, последнюю из множества церквей закрыли перед войной. Радости богослужения, по словам Владыки, были лишены в городе сотни, а может быть, и тысячи верующих. Рассказывают, что люди приносили Владыке много икон и одна стена в дворницкой блестела от окладов и лампад.

В течение 1942 года Святитель ходатайствует об открытии церкви в Красноярске. «Давно обещали открыть у нас церковь, но все еще тянут, и я опять останусь без богослужения в великий праздник Рождества Христова», — с горечью писал он сыну Михаилу.

«В Красноярске я совмещал лечение раненых с архиерейским служением в Красноярской епархии и во все воскресные и праздничные дни ходил далеко за город в маленькую Нищенскую церковь, так как другой церкви в Красноярске не было. Ходить я должен был по такой грязи, что однажды на полдороге завяз, упал в грязь и должен был вернуться домой. Служить архиерейским чином было невозможно, так как при мне не было никого, кроме одного старика-священника, и я ограничился только усердной проповедью слова Божия», — разъяснял в автобиографии Святитель.

Несмотря на перенесенные в тюрьме испытания и подорванное здоровье, святитель Лука не только проводил большую хирургическую работу в Муртинской больнице, но летом 1940 года продолжил работу над новыми главами книги «Очерки гнойной хирургии» на основе присланных ему в Ташкент историй болезней.

Напряженная работа в больнице и над книгой не оставляла места для сна. В итоге — нервные срывы. Из письма

к Н. П. Пузину: «Я очень плохо чувствовал себя и иногда по целым дням вследствие тяжелого мозгового переутомления, длящегося уже почти четыре месяца... Требуют, чтобы я не ходил в церковь, если я не буду работать в больнице. И работаю через силу. До крошечной кладбищенской церкви в Николаевке полтора часа ходьбы с большим подъемом на гору, и я устаю до полного изнеможения, церковь так мала, что в ней нормально помещается сорок-пятьдесят человек, а приходят двести-триста, и в алтарь так же трудно пройти, как на Пасху».

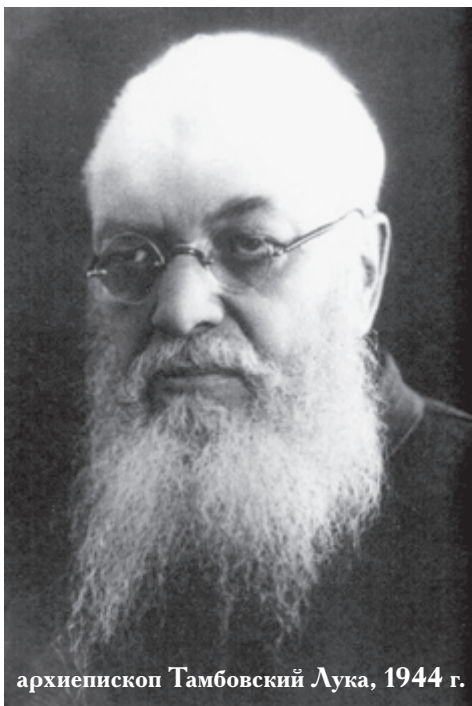
Осенью 1940 года Святителя неожиданно вызвали в Муртинское ГПУ и, к его удивлению, объявили, что ему разрешают ехать в г. Томск для работы в большой библиотеке медицинского факультета. «Можно думать, что это было результатом посланной мной из ташкентской тюрьмы маршалу Клименту Ворошилову просьбу дать мне возможность закончить свою работу по гнойной хирургии, очень необходимую для военно-полевой хирургии», — предполагал в автобиографии Святитель.

«В Томске я отлично устроился на квартире, которую мне предоставила одна глубоко верующая женщина. За два месяца я успел перечитать всю новейшую литературу по гнойной хирургии на немецком, французском и английском языках и сделал большие выписки из нее. По возвращении в Большую Мурту вполне закончил свою большую книгу «Очерки гнойной хирургии»».

Отношение властей к Владыке весной 1942 года улучшилось. Ему стали выдавать обед, завтрак и ужин с общей кухни, заботиться об улучшении условий его работы, а в Иркутске на межобластном совещании главных хирургов «устроили настоящий триумф, — писал он Михаилу. — Мнение обо мне в правящих кругах самое лучшее и доверие полное. Слава Богу!» Святитель сделал ряд новых открытий. Его операции, лекции, доклады на конференциях высоко ценили врачи, доценты и профессора. «Почет мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают», — рассказывал он.

5 марта 1943 года Владыка сообщил сыну о назначении архиепископом Красноярским и о первом архиепископском богослужении. «Господь послал мне несказанную радость. После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским... Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий».

«Первое богослужение... сразу же очень улучшило мое нервное состояние, а неврастения была столь тяжелая, что невропатологи назначили мне полный отдых на две недели. Я его не начал и уверен, что обойдусь без него».

архиепископ Тамбовский Лука, 1944 г.

Еще через месяц Святитель подтвердил: «Невроз мой со времени открытия церкви прошел совсем, и работоспособность восстановилась». В автобиографии он замечал: «Священный Синод при Местоблюстителе Патриаршего престола митрополите Сергии приравнял мое лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвел меня в сан архиепископа».

В течение 1943 года Святитель написал много писем сыну Михаилу, из которых видно, что вера архипастыря не поколебалась и смысл его жизни не изменился. «Помни, Миша, мое монашество с его обетами, мой сан, мое служение Богу для меня величайшая святость и первейший долг... А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера... Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять».

«В Красноярске в «кругах» говорили обо мне: «Пусть служит, это политически необходимо». Я писал тебе, что дан властный приказ не преследовать меня за религиозные убеждения. Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их». И еще: «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его...»

В одном из писем Михаил предупреждал отца, чтобы он был осторожен в проповедях и не очень доверял властям, на что получил ответ от 19 апреля 1943 года: «Я полюбил страдания, так удивительно очищающие душу». И в письме Н. П. Пузину архиерей не боялся писать: «Служу и проповедую каждый праздник и каждое воскресенье...»

24-29 марта архиепископ Лука принял участие в конференции военных хирургов в Новосибирске. Его доклад завершился бурными аплодисментами. Он поделился впечатлениями с сыном Михаилом 29 марта 1943 года: «...назвали доклад не только глубоким, но даже мудрым».

Срок сибирской ссылки архиепископа официально закончился в июле 1942 года, но фактически продолжался до конца 1943-го.

В 1944 году Владыка был назначен на Тамбовскую кафедру. «По окончании моей ссылки, в 1943 году, я был назначен в Тамбов, в области которого до революции было сто десять церквей, а я застал только две: в Тамбове и Мичуринске. Имея много свободного времени, я и в Тамбове около двух лет совмещал церковное служение с работой в госпиталях для раненых», — вспоминал Святитель.

В письмах к сыну Михаилу он описывает город: «Город недурной, почти полностью сохранивший вид старого губернского города. Встретили меня здесь очень хорошо... По просьбе Президиума хирургического общества я сделал доклад об остеомиелите на окружной конференции Орловского военного округа. Выступал и заседал в Президиуме в рясе, с крестом и панагией». «Только теперь, в Тамбове, я чувствую себя в полной мере архиереем».

Прихожане тамбовского кафедрального собора

рассказывали: «Приехал он к нам в самом начале 1944 года. Но сначала не было у него облачения для службы. Прислали ему облачение перед Великим постом. Он служил первый раз и обратился к верующим с кратким словом: «После долгого духовного голода мы сможем снова собираться и благодарить Бога... Я назначен к вам пастырем». Потом благословил каждого человека в храме».

В июне 1943 года в жизни Святителя совпали две даты — двадцатилетие со дня хиротонии во епископа и двадцать лет проведенных в тюрьмах и ссылках. Восстанавливая события тех лет в письме к старшему сыну, он объяснял: «Это начало того тернистого пути, который мне надлежало пройти. Но зато это был и путь славы у Бога».

Святитель никогда не допускал сомнений в правильности выбранного жизненного пути. Хирургической работы в Тамбове оказалось значительно больше, чем в Красноярске. Архиепископу, как главному хирургу больницы, приходилось курировать около ста пятидесяти госпиталей, в каждом из них было от пятисот до тысячи коек.

Из письма сыну Михаилу: «Приводим церковь в благолепный вид... Работа в госпитале идет отлично... Читаю лекции врачам о гнойных артритах... Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придется в исключительных случаях и на дому принимать» (Письмо от 10 августа 1944 года.)

В декабре 1945 года председатель Тамбовского облисполкома вручил архипастырю-хирургу медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

После вручения медали председатель сказал, что труд его как консультанта эвакогоспиталя завершен (госпитали осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), но он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города. Архиепископ Лука ответил ему следующее: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы (он подчеркнул это «вы», давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл) не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. (прим. Святитель Лука провел в тюрьмах и ссылках 11 лет, подвергался репрессиям — 20 лет). Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле».

Эти слова вызвали шок у областного начальства. На то время в президиуме и в зале воцарилась тягостная тишина. Придя в себя, председатель промолвил, что прошлое пора забыть, а жить надо настоящим и будущим. И тут снова раздался басовитый голос владыки Луки: «Ну, нет уж, извините, не забуду никогда!»

В феврале 1946 года Патриарх всея Руси Алексий наградил Святителя правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Это была высшая архиерейская награда.

«Легко ли иго Христово?»

Вы спросите: «Господи, Господи! Разве легко быть гонимыми? Разве легко идти через тесные врата узким и каменистым путем?» Вы спросите с недоумением, в ваше сердце, может быть, закрадется сомнение, легко ли иго Христово?

А я скажу вам: «Да, да! Легко, и чрезвычайнo легко». А почему легко? Почему легко идти за Ним по тернистому пути? Потому что будешь идти не один, выбиваясь из сил, а будет тебе сопутствовать Сам Христос; потому что Его безмерная благодать укрепляет силы, когда изнываешь под игом Его, под бременем Его; потому что Он Сам будет поддерживать тебя, помогать нести это бремя, этот крест.

Говорю не от разума только, а говорю по собственному опыту, ибо должен засвидетельствовать вам, что, когда шел я по весьма тяжкому пути, когда нес тяжкое бремя Христово, оно нисколько не было тяжело, и путь этот был радостным путем, потому что я чувствовал совершенно реально, совершенно ощутимо, что рядом со мною идет Сам Господь Иисус Христос и поддерживает бремя мое, крест мой. Тяжелое было это бремя, но вспоминаю о нем как о светлой радости, как о великой милости Божией. Ибо благодать Божия изливается преизобильно на всякого, кто несет бремя Христово. Именно потому, что бремя Христово нераздельно с благодатью Христовой, именно потому, что Христос того, кто взял крест и пошел за Ним, не оставит одного, не оставит без Своей помощи, а идет рядом с ним, поддерживает его крест, укрепляет Своею благодатью.

Помните Его святые слова, ибо великая истина содержится в них. Иго Мое благо, и бремя Мое легко. Всех вас, всех уверовавших в Него зовет Христос идти за Ним, взяв бремя Его, иго Его.

Не бойтесь же, идите, идите смело. Не бойтесь тех страхов, которыми устрашает вас диавол, мешающий вам идти по этому пути. На диавола плюньте, диавола отгоните Крестом Христовым, именем Его. Возведите очи свои горе — и увидите Самого Господа Иисуса Христа, Который идет вместе с вами и облегчает иго ваше и бремя ваше. Аминь.

Из проповеди святителя Луки,
28 января 1951 года

КРЕСТНЫЙ ХОД - 2011

26 июня 2011 года по благословию Преосвященнейшего Максима, епископа Барнаульского и Алтайского, после ранней Литургии от Покровского кафедрального собора в тринадцатый раз крестным ходом пойдет народ Божий в село Коробейниково к Чудотворному образу Казанской Божией Матери. Двенадцать лет назад паломников было немного, около пятидесяти человек. Это были люди глубоко и искренне верующие, которые хорошо понимали, что такое крестный ход, и осознавали его особую миссию. В последующие годы крестный ход к Святыне собирал уже до 700 участников.

Этот трудный путь каждый совершает по доброй воле, прежде всего, для себя, для лечения своей души. И потому нелепо при этом требовать какого-то особого внимания со стороны Церкви, членов оргкомитета и светских властей, создания каких-то особых условий.

Все эти годы Господь посылает нам благодетелей, которые жертвуют нам средства для проведения крестного хода. Для нас выделяли автобусы, нам помогали с продуктами. Местные власти во время стоянок в селах предоставляли место для ночлега, работники ГИБДД следовали с колонной во время всего пути. Об этом, сколько возможно, позаботятся и сейчас.

Но так как в этом году ожидается большое количество паломников (и это не может не радовать), то в селах просто не найдется такого здания, где можно было бы переночевать хотя бы на полу. Просьба постараться найти и взять с собой палатки и спальные мешки.

ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ:

Вкрестный ход дети до 18 лет идут только с родителями или попечителями.

Обычно детей бывает очень много, и они требуют неусыпного внимания. Естественно, что это долг родителей, которые знают достоинства и слабости своих чад.

НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ ДЛЯ НОВИЧКОВ

Приготовьте удобную разношенную обувь на толстой подошве. Китайские тапочки для этих целей не годятся: вы натрете мозоли на первых же километрах. Мужчинам необходимы головные уборы для защиты от солнца, а женщины и девочки-подростки должны быть в платках и длинных юбках, брюки исключены.

Будьте готовы к 8-10-часовым переходам под палящим солнцем или проливным дождем.

Обязательно возьмите накидки на случай дождя, посуду, запас продуктов на один день, а также набор медикаментов для личного пользования. Разумеется, у каждого должен быть молитвослов.

По вопросам организации крестного хода обращаться по телефону 8-913-266-3673.

ОРГКОМИТЕТ

Письма с фронта

Глеба Каледы
будущей жене Лидии

Каледа Глеб Александрович (1921-1994 гг.) — священник Русской Церкви, протоиерей; церковный писатель; доктор геолого-минералогических наук, профессор. В начале Великой Отечественной войны был призван в армию. С декабря 1941 года и до конца войны он находился в действующих частях. В качестве радиста дивизиона гвардейских минометов «катюш» участвовал в битвах под Волховом, Сталинградом, Курском, в Белоруссии и под Кенигсбергом. На передовой, в разведках, в самой тяжелой обстановке Господь хранил Своего раба. Его товарищи считали, что он остался жив только чудом. С фронта он вернулся с орденами и медалями, был награжден орденами Красного Знамени и Отечественной Войны.

«Я ОЩУТИЛ БЕССМЕРТИЕ»

«На днях стал читать, как открылось. Это была 14 гл. Мк. И. Х. Сам показал нам, как мы должны молиться: «Авва, Отче! Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, но чего Ты». Это образ молитвы для всякого христианина в решительные моменты его жизни, в моменты крутых поворотов его судьбы. Обрати внимание, что это место открылось само. Если можно, то я не поеду на фронт. Да будет воля Отца! Человек наделен в известных пределах свободной волей. Это и ответственность большая (иногда даже страшная), и счастье.

В театре крови я буду являться одним из важнейших винтиков (радист, через которого проходят все команды) машины убийства (скажи, где правые, где виноватые?). Смерть. Нам, простым людям, конечно, хочется жить, особенно молодежи, но разве так уж важно долго жить; разве смерть близкого человека, тяжело переживаемая всеми нами, не приоткрывает слегка дверь в другой мир? Помнишь, кн. Марья и Наташа, когда умер кн. Андрей, плакали не от горя, а от умиления перед простым, но торжественным и глубоким таинством смерти. Первые христиане на похоронах одевали голубые одежды как символ вечности.

В 1939 году я был в Пасхальную ночь в церкви. Как всегда, было много народа, и еще до заутрени многие выходили через боковые двери на улицу. Многие стояли, ожидая чего-то радостного и великого. И вот из глубины храма раздалась торжественная, поющая о победе песнь: «Христос воскрес из мертвых...», и десятки, сотни людей через несколько мгновений подхватили ее, охваченные единым чувством восторга и вдруг проснувшейся любви, и песнь эта взлетела под высокие своды храма, светлая и прекрасная. Радость, которая до этой минуты таилась где-то в глубине сердец, вырвалась наружу, осветила и наполнила душу неизъяснимым счастьем.

«Христос воскрес!» носилось по ночному храму, слышалось за его пределами и улетало в таинственную высь. Было тесно и душно, но из глаз юноши, что стоял возле меня, исходил свет счастья. Мы понимали, что телесные невзгоды — ничто перед радостью Пасхи.

Вот меня сдавило волной толпы, я не мог дышать, и ребра, казалось, еще минута — сломаются. «Ведь в этой тесноте может прекратиться моя земная жизнь», — подумал я, но новое чувство наполнило мою душу; я ощутил бессмертие. В случае телесной смерти, чувствовал я, я поднимусь под высокие своды храма, куда взлетают слова, говорящие о победе Христа над смертью, о вечности жизни.

Это реальное ощущение бессмертия и краешка потустороннего является самым ярким и сильным воспоминанием моей жизни, вызывающим во мне прилив радостных чувств. Чтобы понять, что я пережил в ту минуту, надо самому пережить ее. Но смерть на Пасхе это совсем другое. Мне хотелось бы только не умереть за «работой». Пусть лучше страдание. Мое желание ты, конечно, понимаешь...

Москва, февраль 1942 года»

«ПЛАЧЬ, ЕСЛИ В ТО ВРЕМЯ, КАК ТЕБЯ УНОСИТ ПОТОК ВРЕМЕНИ, ТЫ НЕ НЕСЕШЬ С СОБОЮ ВЕЧНОСТИ!»

Это одна из цитат, которыми начинается твое, Лида, письмо, полученное мною сегодня. Его я получил утром, когда занимался математикой, начал только писать, приказ — вперед. Взяли на плечи радиостанцию и пошли.

Мы Его последователи. Сказано не «волос с головы человека», а «вашей». Судьба наша слагается несколько иным образом. Нам надо отдать себя Его воле — и только. Что нам опасность? Разве наш дом здесь? Разве не мы поем: «не убоимся ужасов в ночи, стрелы летящей днем». Неужели и здесь мы

далеки от слов песни. «Падут тысячи и тьма одесную тебе». О как это все справедливо! На войне личным опытом все это постигнуто.

Буду откровенен с тобою в том, в чем мне обычно невозможно признаться, стыдно как-то. У меня есть глубокое ощущение, что для меня лично не нужны ровики, ибо то, что будет со мною, совершенно не зависит от них. Оно очень глубоко и прочно. В них не ощущаю потребности. Ровики, конечно, рою, ибо приказывает начальство и неудобно уклоняться от работы, когда работают товарищи. Разве нет у нас Сильнейшей защиты? Не думаю, конечно, что я бравирую. Я помню: «не искушай Господа». И бессмысленное бравирование как раз и будет искушением Его.

Макаров говорил, что во мне самообладания и спокойствия в опасности больше, чем у кого-либо другого во взводе. Шофер Майеров передавал, что они не раз, разговаривая между собою, отзывались обо мне как о самом спокойном радисте. Я не хвастаюсь, ибо все иначе не может, не должно быть, в этом нет и капли моей личной заслуги. Все дело в том, что я обладаю ощущением своей защищенности. Почему я пятого числа испытал чувство не страха, а прилившей бодрости. Как ты это объяснишь с общественной точки

зрения? Я хочу, чтобы ты прониклась этим. Ведь слово «более опасно», точно сохранность свою мы будем измерять тем, сколько осколков падает в разных местах на квадрат площади, а не Его Волею, свою защищенность — сделанным нашими руками ровиком, а не своей верностью, не своим желанием Его воли над нами. Последнее, самое главное, что своими добрыми делами мы не сохранимся, ибо грехов во много раз больше их. Да, увы, их бесконечно больше.

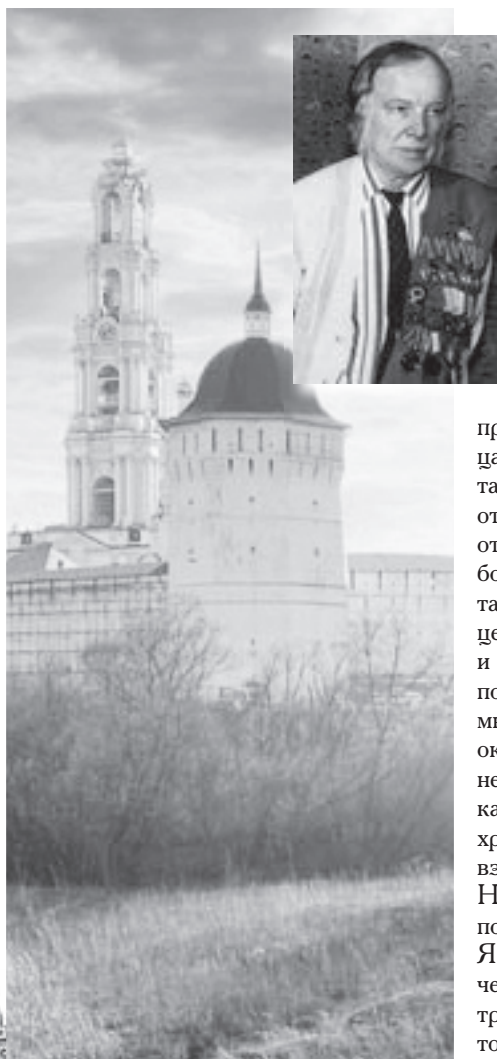
Пусть будет это между нами; о таких вещах не говорят, да и немногие поймут. Мои домашние тоже. Потом тут много очень сокровенного для меня. Ты пишешь — убит Дима. Я не знал его лично. А помнишь, что писала и говорила мне о Коле П.? Ведь его судьба не противоречит вышеприведенным цитатам и написанному. Я, правда, не знаю, что испытывал он. Что нам опасность! Наш дом не здесь. Мы поем: «не убоимся ужасов ночи, стрелы, летящей днем». «Долготую дней насыщу его». Почувствуй это ты, Лидочка, и как-нибудь постарайся это хоть в некоторой степени передать нашим, моим, папе. О письме не говори. У папы: «все-таки война, фронт, кто знает». Я говорил уже об условиях этого письма...

С приветом. Твой брат Глеб. 30-31.08.44 года»

Иннокентий Михайлович Смоктуновский

Тридцать сребренников

Нас из 130 человек осталось всего четыре человека. Я чувствовал, что меня вела на фронте какая-то сила, я думал, что меня ни одна пуля, ни шальная, ни какая другая, ни какой осколок не могут свалить. Словно я был кем-то охраняем. Не исключено, что я был охраняем Господом Богом. Потому что даже тогда, совершенно не зная Библии, не зная Нового завета, я знал, что есть Бог, потому что мои родители — люди верующие, и тетка моя, Надежда Петровна, тоже верила в Бога. В доме у нас в углах висели иконы. На церковные праздники зажигали лампаду... Однажды, когда мне было лет четырнадцать, не больше, тетка Надежда Петровна дала мне 30 рублей — это были такие красные и большие, как простыни, советские деньги — и сказала: отнеси в церковь, отдай на ремонт храма и на свечи. А я в ту пору получал от тетки и от ее мужа, дяди Васи, немного: может быть, в месяц рубль, не больше. Представляете, какова была мысль у мальчика, который имеет такое огромное состояние, когда можно мороженое есть с утра до вечера целый месяц? Я зажал эти деньги в руке и страшно с собой боролся: идти и отдать эти деньги на ремонт храма или не отдать? И решил где-то в подсознании не отдавать: нет-нет, я буду счастливый человек, буду есть много мороженого, это будет так вкусно, так хорошо. Потом вдруг я как-то оказался с зажатыми в кулаке тридцатью рублями около церкви, вхожу в нее, страшно нехотя, весь перепуганный, разжимаю кулак и отдаю деньги какой-то тетеньке, и говорю: «Вот, пожалуйста, возьмите, это на ремонт храма». Помню, у меня состояние было какое-то ужасно нервное. Она взяла и сказала: «Спасибо», и больше ничего, так сказать, не происходило. Народу в церкви было мало, пахло ладаном, горелыми свечами. И я вдруг почувствовал какое-то удивительное освобождение. Мне было так хорошо! Я исполнил какой-то огромный долг — четырнадцатилетний маленький человечек. Потом, когда я узнал про тридцать сребренников (вот они, те тридцать рублей!), я был почти убежден, что, если бы я их тогда не отдал, то меня бы не было в живых на фронте.

Татьяна Кудрявцева

Детский дом. Лёка...

В детском доме было хорошо. Во-первых, там давали есть. Во-вторых, там у каждого была мама Кира из самого старшего 7-го класса. Мама Кира помогала делать уроки и даже мыла Лёку в бане. А когда кто-то из детей заболел, сама Мария Константиновна, директор, подходила вечером и гладила по голове.

Еще у детского дома были грядки, на которых росла еда! Репка, лук, морковинки, а главное — огурцы. В начале лета все вместе сажали. Лёка все бегала и смотрела, не появились ли огурчики из желтеньких, как бабочки, цветов. Мама Кира сказала, они из цветов будут. Лёка никогда не видела огурцов, просто не успела: сначала она маленькая была, а потом война началась. В блокаду не было еды никакой, даже воды. Последний кипяток вместе с горбушкой мама отдала Лёке и умерла. А от папы писем не приходило совсем, ни одного письма, мама сначала сильно плакала, а потом вдруг перестала, только смотрела в никуда и отдавала Лёке свой хлеб. Лёка тогда несмышленная была, не понимала, что нельзя мамин хлеб есть, она ела. Есть хотелось каждую минуту. Но потом, когда город сковали большие холода, у Лёки уже не осталось сил — есть.

Тогда мама сходила за снегом, растопила его на керосинке и Лёке в рот влила. Лёка согрелась и уснула. А проснулась уже в детском доме. Ей сказали, что мамы больше нет. Но Лёка не поверила, она долго еще не верила, вставала на окно на коленки и смотрела на улицу, вдруг мама придет. Но улица была пустая и страшная, безглазая. Без людей, без машин, без военных даже, без никого. Без мамы... А мама у Лёки была самая красивая во дворе. Может, и не только во дворе. У нее платья переливались и шуршали. До войны у нее было

много нарядных платьев, блестящих, как золотинка, а в войну остались лишь ватники. А главное, голос. У мамы был особенный голос, певучий, как рояль. В детском доме тоже есть рояль, на нем Мария Константиновна играет. Но она не поет. А мама пела. Она пела и смеялась. У нее на щеках тогда прорезывались ямочки, у Лёки тоже одна ямочка есть, в маму. А папа был очень высокий, в черной шинели, шинель сильно кололась. В детском доме ей сказали, раз шинель черная, значит, папа твой — моряк. Лёка знает, моряки плавают на кораблях, некоторые корабли очень большие, далеко уплыть могут, даже туда, где войны нет. У папы были большие руки. Он Лёку кружил и приговаривал: «Лёка-Лёка, два прыска, третий зайка, убегай-ка!» Зайка, потому что Лёка беленькая. Когда в детский дом приходили — усыновлять, Лёку часто выбирали. Беленьких, видно, больше любят. А может, из-за банта. У Лёки голубой бант на голове, из бабушкиного шарфа. Лёку так и принесли в детский дом, с бантом, Мария Константиновна рассказывала. Кроме

этого банта, у Лёки ничего больше не осталось. Но она не согласилась — в дети. Спряталась под кровать, и Мария Константиновна ее не отдала. Лёка не хотела других папу и маму, она своих помнит. А вдруг папа вернется, а Лёка у чужих живет, он же тогда не найдет ее!

А потом зима прошла, и в город вернулось солнышко. Как оно землю пригрело, так сразу Мария Константиновна им семена дала. Некоторые семечки сами взошли, а огурцы — из рассады. Лёка все думала: огурец — какой? Круглый или длинный? Она как просыпалась утром, так скорей — на огород! Нянечка Шура говорит, Лёка — жаворонок, птичка такая, которая раньше всех голосит. И вот Лёка прибегает, смотрит, а огурец высунулся из листьев, зеленый, как маленький карандаш. Лёка сразу вспомнила, какой он на вкус, она, оказывается, просто забыла! Он на вкус — хрустящий, летом пахнет. Лёка не понимает, как это случилось, что огурец вот только что был на грядке, и вдруг раз — у нее во рту. И — нет огурца! Это было очень стыдно, а может, даже и

воровство, огурец-то общий! Лёка стала красная от ужаса.

На линейке Мария Константиновна спросила строго: «Куда девался огурец?» Никто ничего не сообразил, огурец-то одна Лёка видела, а Лёка поняла и опустила голову.

Мария Константиновна к ней подошла, и все смотрели на Лёку и молчали. И тут мама Кира говорит:

— Мария Константиновна, это я сорвала огурец для Лёки, потому что у нее день рождения.

— Я так и поняла, — произнесла Мария Константиновна. — Но все-таки лучше было спросить.

И ничего больше говорить не стала. И никто не стал, хотя старшие все знали, что Лёкин день рождения — не известен. Лёка попала в детский дом без документов, в мамином ватнике и с бантом, а бумаг при ней не было.

У Лёки слезинка выкатилась из глаза и остановилась на щеке, от стыда. Она решила, что, когда вырастет взрослая, обязательно отдаст Кире огурец, а Марии Константиновне целую корзинку огурцов!.. Случай этот в прошлом году приключился, но Лёке кажется, что вчера. Стыд хуже дыма, от него в душе щиплет.

Напротив детского дома был дом слепых — там жили дети, у кого война съела зрение. Так нянечка Шура говорила. На этих детей было очень страшно смотреть. Лёка старалась гулять в другой стороне, у забора, где стоял маленький деревянный особняк. Лёка забиралась на крылечко и играла в дом, как будто он опять у нее есть, и все живы: и папа, и мама, и бабушка, и кот Зайка. Лёка говорила: «Триктрак». И делала вид, что поворачивает ключ в замке.

Однажды она играла и грызла сухарь. Вернее, половинку сухарика, что от полдника осталась. Хоть блокаду уже и сняли, но Лёка теперь никогда ничего не съедала сразу, оставляла на черный день. Хоть крошечку. И вдруг в заборе Лёка увидела чье-то лицо. Совершенно взрослое, даже старое, потому что небритое. Этот кто-то глаз не сводил с ее сухаря. Лёка точно поняла, что именно с сухаря. Сначала она спрятала сухарь за спину. Потом и сама повернулась к забору спиной. Но даже спиной Лёка чувствовала этот взгляд. Она поняла, что там кто-то голодный. Лёка вздохнула, но все-таки подошла к забору, отломала половинку половинки и протянула...

А Колька Безымянный, из

старшей группы, подглядел. Безымянный — это была его фамилия, потому что он ничего не помнил, был старше Лёки, а даже фамилии не помнил. От голода, наверное. У Кольки внутри не осталось памяти, а осталась только ненависть.

— Что ты делаешь? — закричал Колька. — Это же вражина, фашист! Немец пленный, чтоб он сдох! Немцы у нас всех убили, а ты ему сухарь! Забери назад!

Лёка заплакала. Но назад забрать она не могла. Не потому что боялась, а — не могла. И объяснить Кольке тоже ничего не умела. В свои восемь лет Лёка хорошо знала, кто такие фашисты. Но ведь и у фашистов животы есть, а живот есть просит.

Колька так кричал, что прибежала мама Кира из 7-го класса. Мама Кира прижала к себе Лёку и увела.

А вечером Мария Константиновна собрала всех и велела:

— К забору ходить не нужно. Гуляйте в другой стороне.

Лицо у неё было грустное-грустное. Лёка подумала, что сторон для гулянья совсем уже не осталось. А потом нечаянно услышала, как Мария Константиновна сказала нянечке Шура:

— Откуда у нее только сила взялась на жалость?

И Лёка поняла, что Мария Константиновна на нее не сердится. И что жалеть — не стыдно. А это было самое главное.

С тех пор тайком они прокрадывались к забору и кормили пленных немцев. У них была такая банка от «Лендлизовской» тушенки, они в банку сливали суп, кто сколько мог, и кормили.

Немцы эти были очень тихие, все время бормотали что-то про танки и шины. Лёка спросила у Кире, что это значит: «Танки-шины?»

Мама Кира сказала, что по-немецки это «спасибо». «Данке шеен».

А к лету уже и Колька стал с ними ходить. Девочки ничего ему не говорили, и он девочкам — тоже ничего. Да и что тут скажешь!

Немец, тот, которому Лёка первому полсухаря дала, вырезал для Лёки маленькую куколку. Из губной гармошки. Лёка не знала, можно ли взять у фашиста. Но он протягивал и улыбался. И Лёка опять подумала: «Хоть и фашист, а живой ведь. Не взять, все равно что ударить».

И взяла.

А в начале лета их детский дом номер двадцать пять сажал на Песочной набережной деревья. Лёка могла схватить самый крепкий, самый красивый саженец, ведь она первая стояла, потому что ростом была меньше всех и выбирала первой. Но Лёка выбрала самое тонкое кривое деревце, на которое никто даже не смотрел. «Пусть оно тоже будет расти через много лет», — подумала Лёка. Все лето и осень она приходила к своему саженцу и поливала его из склянки.

К первой годовщине Победы дерево зазеленело. А им в детском доме выдали новые пальто. Правда, Лёке оно было великовато, пальто пришлось подрезать прямо на ней, но подумаешь, мелочи! В тот день все казалось счастьем...

ПОСЛЕ ТОЧКИ

Девочка, которую в детском доме все называли Лёкой, став взрослой — Ольгой Ивановной Громовой, — выбрала себе профессию врача.

У этого доктора был счастливый дар: она не только прекрасно оперировала, но и умела выхаживать больных. Ольга Ивановна обладала способностью — жалеть так, что это было ничуть не обидно. Многие люди до сих пор говорят ей спасибо. Я — тоже.

Однажды Ольга Ивановна привела меня в Вяземский садик. На то самое место, где детский дом № 25 сажал деревья почти полвека назад. В старую аллею на Песочной набережной, рядом с Малой Невкой.

Липы эти разрослись, стали красивыми и тенистыми. Где-то там, среди них, и ее липка, которая была когда-то маленьким кривым прутиком...

Ольги Ивановны нет теперь на свете. Но в День Победы я всегда поминаю ее, светлая ей память...

Рис. Ш. Ворошилова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Валентин Зайцев

В Сан-Франциско ещё вчера, а в Тобольске уже завтра

Продолжение. Начало № № 10 - 12, 2010 г., № 1-4, 2011 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И была деревня: «Барнаульский завод»

8

Ргород въехали уверенно, будто бывали уже здесь. Так наглядно и подробно описал его настоятель Петро-Павловского собора из деревни «Барнаульский завод» Иоанн Пеунов. В кремле сразу же ввели Дуню в придел Софийского собора. Могила архиеерея Иоанна посреди придельного храма. Подвели к ней Дуню, и мать упала на колени, обхватила спуд. Заголосила, обливаясь слезами:

«Ой, да благодарим тебя, дорогой наш Иоанне, за милость твою.., ой, да за помощь твою.., ой, да за любовь к нам да многогрешным. Ой, да не твоя бы забота к едущим к тебе, желанный наш отче, ой, да не скорая бы защита твоя, да разве бы стояли мы теперь у твоей святой могилы? Помоги нам во всём том, ради чего ты позвал нас к себе, ради чего мы проделали такой долгий и мучительный путь... — Она подняла руки и тут же опустила их на спуд, будто сбросила. — Ой, горе горю-юшко... Наш защитниче отче: исцели доченьку мою от страшной болезни, при которой человек не человек. Ой, да что мне говорить тебе, когда ты сам всё видишь и всё знаешь...»

Долго она причитала так, взывая, что порой казалось, вот-вот начнёт рвать волосы на голове. Выплёскивала Святителю всё, что накопилось за пять лет болезни дочери. Никто её не останавливал, не утешал. Ничто не указывало, что Святитель слышит убитую горем мать, а потому постепенно причитания её сошли на нет. Она поднялась с колен, и все втроем принялись обходить иконы, к каждой прикладываясь. Тут же, в Златоустовском приделе встретили ключаря протоиерея Василия Кузнецова, о котором говорил им Иоанн

Пеунов. Глафира Никитична рассказала ему Дунину историю и закончила так: «...В первые дни пути сюда я с ездовым едва удерживала её при буйстве, но чем дальше ехали, тем она делалась всё тише и тише. Не влияние ли это Святителя? Теперь она тихая, — только, как видите, в чём душа держится. И не понимает, о чём мы говорим. В доказательство спросила у ней: — О чём я сейчас говорила, Дуня? Скажи мне. И где мы сейчас находимся». — «Пойдём домой», — проговорила Дуня вымученно. «Вот видите?.. Изнемогла она. Почти два месяца добирались».

Отец Василий выслушал внимательно и сказал, что излечение если и не посылается человеку, то ради пользы его же души, а если даётся, то по вере, а вера у всех слабая, показная. Даже вот причитали вы показушно. Глафира Никитична виновато покивала. Священник, по всему видать, не очень-то радел к ним, к их горю. К могиле Архиеерея не они первые приехали. Повидал всякого и часто жалел паломников, предвидя дальнейшую их неутешительную судьбу. А может быть сейчас готовил очередных приезжих к тому, чтоб не питали больших надежд на излечение, но когда мать сообщила, что сам архиеерей трижды являлся дочери, живо заинтересовался, выпросил подробности и отвёл их к боголюбивой старушке квартировать.

С этого дня Глафира Никитична, Дуня и Порфирий усердно молились, посещая каждый день Златоустовский придел, где по их просьбе были заказаны литургии, которые должны были совершаться шесть недель сряду. Припадки у Дуню не возобновлялись. Мало того, она

постепенно приходила в сознание. Рассуждала вполне разумно. Удивляло Глафиру Никитичну только то, что дочь ни разу не вспомнила о Иакове Алексеиче. А ведь в Тобольске живут его родители.

Полтора месяца промолчались они у могилы архиерея. Теперь Дуня выглядела умственно совершенно здоровой, и Глафира Никитична наладилась было возвращаться домой, но дочь вдруг заявила, что не поедет, покуда не побывает у родителей Иакова Алексеича. Это тоже порадовало мать: память вернулась.

И они отправились на поиски по Нижнему Тобольску.

Глафиру Никитичну, как и Порфирия, удивляло в этом городе всё. Много встречалось полуобгоревших домов. А кое-где одни обугленные стены или даже печи с кучами почерневшего от сажи и огня домашнего хлама, — всё, что осталось от жилья. По рассказам встретившихся на улицах людей они узнали, что десять лет назад тут бушевал пожар. До сих пор город не может отстроиться. Сохранившиеся после пожара дома в основном деревянные, одноэтажные — необычны по своей внешности. Они будто танцуют. Опять же прохожие разъяснили: что эти дома в Тобольске называют ещё развесёлыми. Как и сами тоболяки, которые тоже из породы неунывающих. А истинная причина наклонившихся во все стороны строений — в неравномерном оттаивании весной грунта и высоких вод. Дома оседают тоже неравномерно, а потому искривляются. Здесь можно встретить крепкие ещё избы, окошки которых наполовину вросли в землю.

В Нижнем городе воды у тоболяков в избытке, а в Верхнем не хватает. Копали наверху колодезь. Воды не встречалось. Но упорные тоболяки продолжали копать. Трудно поверить, но лопатами они вырыли яму более ста метров глубиной и всё же докопались до воды. Но вот незадача: поднять с такой глубины ведро с водой оказалось непросто. Тогда тоболяки заставили крутить ворот над колодезем медведя. Может, ради потехи. Люди приходили за водой, смотрели, смеялись и довольные несли домой на коромыслах полные вёдра. Правда это или только легенда, автор не знает.

Услышанное и увиденное наполняло Глафиру Никитичну и Порфирия хорошим настроением. Подняли

его и весёлые названия бесчисленных кабаков. У заставы, где Московский тракт вливался в город, стоял кабак «Отряси ноги». Дальше питейные дома: «Мокрый», «Подкопай», «Скородум» и даже «Бутырки», в честь известной московской тюрьмы. Ближе к центру шумел кабак «Весёлый». А в кремле они видели кабак, который так и называется: «Кремлёв кабак».

Спрашивая у очередных встречных, где живут Кандрашовы, Глафира Никитична поинтересовалась:

— Отчего ваш город такой неунывающий, хотя, по всему виду, горюшка вы хлебнули под самую макушку?

— Не то слово, — отвечали ей. — Редко, наверное, какому городу досталось столько бед. Пожары без

конца уничтожают нажитое добро. А в 1794 году, Иртыш во время весенних паводков залил весь Нижний посад. Вода снесла дома, мосты, разрушила хлебные и соляные амбары, магазины. И эта стихия, повторяется регулярно через каждые несколько лет. А тут ещё самодуры полицейские терроризируют население... И люди молча всё переносят. Бывали моры, да ещё какие... Не успевали хоронить. Но чем тяжелее живётся, тем люди счастливее. Правда, правда!

— Но почему?! Почему?! Я хочу понять это, — вопрошала Глафира Никитична. — Откуда такое неунывающее настроение у людей?

— А вы посмотрите, милая, в любую сторону. Куда не повернётся, везде за крышами домов купола

с крестами. Повернитесь, повернитесь...

Глафира Никитична уже давно обратила на это внимание, но послушно огляделась, проговорила:

— Я нигде не видела столько церквей и нигде не чувствовала такой благодати, как у вас. Тут в самом воздухе ощущается Свят Дух. А ещё у меня такое чувство, будто прожила в этом городе всю жизнь. Всё здесь будто моё, родное...

— А это потому, матушка, — вклинулся в разговор Порфирий, — что окрестности Тобольска похожи на наши окрестности. Вы посмотрите, здесь гора над городом, и там гора над заводом. Здесь большая река, и у нас тоже не меньше. Здесь много на улицах озерцов и луж от близких грунтовых вод, и у нас то же самое. Тут дома оседают из-за близости грунтовых вод, и у нас грунтовые воды высоко. Мне вот, например, здесь всё время кажется, будто попал я в будущую нашу деревню

«Барнаульский завод». И у нас со временем выложат деревянные тротуары. И маковки церквей будут виднеться повсюду. И такие же пожары, как здесь, будут уничтожать улицу за улицей...

Тобольск, действительно, мил и уютен по провинциальному, хотя и считается столицей Сибири. Такие города в России называют чухонскими. И для русского человека, действительно, нет ничего милей таких городов. Тобольск чистый представитель российского быта, непонятного для жителей любой другой страны.

Вот яркое описание Тобольска.

Посреди некоторых подгорных улиц текут ручьи и речки. Через них повсюду мостки, настилы. Но самое удивительное в Тобольске, и чего нет, наверное, ни в одном другом городе России, так это то, что некоторые улицы во всю ширину замощены плахами. Всюду желтеют поленицы дров. Возле них кучи опилок. По ним и по поленицам, как кошки, бегают белки. Повсюду на улицах звонко квакают лягушки. По зелёным берегам речушек и ручьёв белеют гусиные и утиные перья. Сами птицы тут же полощутся в воде, не боясь ребятешек, которые, засучив штанины, деловито бродят по воде.

Глафира Никитична спросила и у ребятешек о Кандрашовых.

— А кто они? Водники поди Иртышские? — поинтересовался в свою очередь один из бродивших по воде подростков.

— Да нет. Они мастеровые. Должны держать кузни, — подсказала Дуня.

— Тогда вам надо на Бостонную окраину, к Паниному бугру. Туда все кузни перенесли... Да вон он — Панин бугор, за взвозом...

У Паниного бугра городские улицы ещё только угадывались по застолблённым участкам с кучами мусора и земли, древесными стройматериалами. Кое-где избушки, похожие на сараи. Между ними блестят лужи, затянутые зелёной ряской. Совсем редко стоят готовые дома. Вот на такой дом и показал мужчина с кованными скобами под мышкой. Среди лачужек-временок он выглядел великаном. Дуня некоторое время смотрела на него, и оттого, что скоро увидит родителей Иакова Алексеича, нашло на неё оцепенение. «А может...» Мысль её умчалась незавершённой в будущее. Переборолла в себе боязнь, побежала за уходящим мужчиной с кованными скобами. «Постойте, погодите...»

Мужчина остановился. Дуня, подбежав и отводя глаза в сторону, проговорила, не сумев скрыть волнение от разбушевавшегося сердца:

— Может вы знаете... У Кандрашовых живёт ли... — Она хотела сказать: «горный офицер», но с губ вспорхнуло невнятно: — Иаков Алексеич.

— Иаков... Живёт. Он у них старший коваль.

Кое-как поблагодарив за такую весть, Дуня вся наполнилась необыкновенной радостью: «Живой! Неужели, прямо вот сейчас увижу его?!» Непослушными ногами первой взошла на крыльцо дома, прошла в сени, отворила дверь...

Увидела несколько столов. На них чернильницы, кружки с гусиными перьями. Лежат какие-то бумаги. Дуня переступила порог, поискала глазами образа и, найдя

их, перекрестилась, подумав машинально: «Неуж-то уверовал?». И только потом обратила внимание на молодую женщину, сидевшую за одним из столов. До этого она не думала, женат он или холост? Для неё главное было: живой. А теперь больно кольнуло сердце. Женщина подняла глаза на вошедших.

— Вы, наверное, к мужу?

Дуня во все глаза смотрела на неё, хотела подтвердить, но оцепенение охватило не только язык, но и всю её. За ней стояла мать с Порфирием, но они почему-то не приходили ей на помощь.

— Кто там? — послышался хриплый голос из соседней комнаты. В дверях показалась заспанная женщина. Прозевавшись, спросила: — Чего надобно?

— Заказчики к Иакову, — ответила женщина за столом.

«Для неё он уже не Алексеич», — подумала Дуня сердцем.

— Так пусть садятся за стол и пишут заявку.

— Присаживайтесь, — предложила молодая женщина. — Там перья, бумага.

— Нам надо вашего мужа лично, — отозвалась позади Дуни Глафира Никитична.

— Могу сходить за ним. — сказала женщина с заспанным лицом. — Будете ждать?

Дуня кивнула, и та ушла. В комнату вбежали три малыша-погодки. Прижались к молодой женщине, и, поглядывая на гостей, принялись что-то наперебой нашептывать ей. Дуня не сводила с них глаз. «Похожи на Иакова Алексеича... А ведь они могли быть моими...» Эта мысль обожгла сердце.

Вернулась ушедшая за Иаковым. Следом вошёл молодой мужчина. Лицо в копоти. Дуня вздрогнула, напряглась вся, глядя на вошедшего во все глаза. Она никак не могла понять: Иаков Алексеич предстал перед ней или кто другой. Обернулась к матери, ища у неё подсказки. И по выражению лица её увидела, что мать тоже не знает, кто пришёл. Всё-таки пять лет минуло, лицо подзабылось, да и могло измениться. Дуня попыталась взять себя в руки, спросила: «Вы Иаков...» Он, улыбнувшись, подтвердил: «Вроде со дня рождения так кличут». Дуня, сама не своя, выскочила во двор. Рука произвольно принялась накладывать торопливые крестные знамена. Крестилась неистово, будто крестами защищала себя от возможного удара судьбы...

Вышла мать, обняла её, прошептала на ухо: «Он не сын Кандрашову Алексею Кузьмичу. Просто — тёзка. Работник ихний» — «А где же мой...?» — «Я тебе боюсь что-либо говорить. Молись. Скоро всё узнаешь». Вышел Порфирий с Иаковым. Все прошли к Паниному бугру. Дуня в удивлении остановилась. Весь склон бугра снизу доверху облеплен землянками, как гнёздами ласточек. Иаков подошёл к одной из них, крикнул: «Алексей Кузьмич, к вам пришли». Из землянки вышел низкорослый мужчина с ненецким обликом. «Он», — сразу признала Дуня в нём отца Иакова Алексеича, хотя у сына мало что осталось от отца. Иаков Алексеич и ростом высок, и плечист, и лицом красив.

Рисунок автора

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Краткий обзор православных праздников в июне (по новому и старому стилю)

**Священномученика
Леонтия Ростовского
(5 июня/23 мая)**

Святой Леонтий — один из выдающихся русских архипастырей XI в., был по происхождению русский, хотя и родился в Константинополе.

Приняв сан епископа, в Киево-Печерском монастыре ревностно трудился в проповедании слова Божия, обращая ко Христу чуждые племена, населявшие ростовскую землю.

Дикие язычники, изгнавшие двух его предшественников, озлобленные проповедью святителя, побили и изгнали его из города. Святой поселился у ручья Брутовщины, куда к нему стали приходить дети, привлеченные его духовной добротой. Святитель обучал их началам веры Христовой, а потом крестил.

Однажды озлобленные язычники большой толпой явились, чтобы убить св. Леонтия. Святой вышел к ним в полном святительском облачении с крестом в руках. Апостольская твердость и спокойствие перед грозившей смертью остановили возбужденную толпу, а исполненное благодати его слово произвело на людей еще большее воздействие, так что многие из них приняли крещение. Проповедуя веру Христову, святой подтверждал ее чудесами.

Апостольское служение святитель Леонтий запечатлел мученической кончиной: в 1073 г. он был убит закоренелыми язычниками по указанию волхвов.

В 1164 г. были обретены его нетленные мощи, прославившиеся многочисленными чудесами.

**Преподобного
Симеона Столпника, Дивногорца
(6 июня/24 мая)**

Его следует отличать от преподобного Симеона Столпника (459 г.; память 1/15 сентября), подвизавшегося также в окрестностях Антиохии Сирийской.

Родился святой в 512 г. в Антиохии Сирийской, был испрошен матерью через молитву к св. Иоанну Предтече с обещанием посвятить сына Богу. С младенчества от-

личался святой Симеон строгим постничеством. Уже в детстве преподобному несколько раз являлся Господь, предсказывая ему будущие подвиги и награду за них.

Шести лет святой удалился на одну пустынную гору, а затем поселился в обители преподобного Иоанна Столпника, близ Селевкии Сирийской, где вззошел на столп. За строжайшие и вышеестественные подвиги поста и бдения он удостоился особой благодати Божией и дара исцеления недугов.

На 22-м году жизни по откровению свыше он перешел на Дивную гору, где основал монастырь. Достигнув высокой степени иноческого совершенства, подвижник сотворил множество чудес, прозревал тайное, удостоился видения Господа и беседы с Ним.

Так, он предсказал взятие Антиохии Хозроем I и землетрясение в ней, исцелял различные недуги и даже воскрешал мертвых; призыванием его имени освобождались плененные персами антиохийцы; по молитве преподобного в течение трех лет не оскудевала пшеница в монастырской житнице, несмотря на то, что ее брали в большом количестве для пропитания множества пришельцев. Проведя на столпе 68 лет, преподобный Симеон скончался в 596 г.

**День Святой Троицы
Пятидесятница
(12 июня/30 мая)**

**День Святого Духа
(13 июня/31 мая)**

**Начало Петрова поста
(20/7 июня)**

**Преподобного
Петра Афонского
(25/12 июня)**

Преподобный Петр родом грек, служил воеводой в императорских войсках и жил в Константинополе. В 667 г. во время войны с сирийцами св. Петр был взят в плен и заключен в крепости города Самары реке Евфрате. Долгое время он томился в темнице и размышлял о том, за какие грехи подвергся наказанию Божию. Святой Петр вспомнил, что однажды имел намерение оставить мир и уйти в монастырь, но так и не исполнил его, и начал подвижническую жизнь, прося у святителя Николая Чудотворца заступничества перед Богом. И святитель Николай не оставил его без своей помощи: его ходатайством св. Петр был освобожден из плена и принял в Риме иночество, куда в 681 г. удалился на Афон, поселившись на самой вершине Святой Горы.

Преподобный Петр провел в пустынных местах, не видя никого из людей, 53 года. Одежда его истлела, а волосы и борода отросли и покрыли тело вместо одежды. В первое время особенно преподобный Петр многократно подвергался бесовским нападениям, которые старались принудить святого покинуть пещеру, но горячими молитвами к Богу и Матери Божией он побеждал их.

А с того времени, как преподобному во сне явилась Матерь Божия вместе со святителем Николаем и сказала мужественному отшельнику, что каждые 40 дней Ангел будет приносить ему небесную манну, он хранил строгий пост, а на сороковой день подкреплялся ею, получая крепость на дальнейшее сорокадневное воздержание.

Преподобный Петр скончался в 734 г.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Подошел к концу учебный год в Воскресной школе при Александро-Невском соборе. 24 мая, в День празднования памяти равноапостольных учителей славянских Кирилла и Мефодия, был совершен Крестный ход, после которого состоялся экзамен и праздничное чаепитие.

По доброй традиции завершается учебный год паломнической поездкой по святым местам Алтая. В этом году преподаватели, воспитанники школы и их родители посетили святой источник в Сорочьем Логу.

Впереди — каникулы. Многие из детей отдохнут в детском православном лагере во имя святителя Макария Алтайского.

Хорошего летнего отдыха всем ребятам и до скорых встреч!

Новый учебный год в нашей Воскресной школе начнется с 1 сентября.

